

Александр Шушеньков

Записки о Шуре Холмове, или Лихие девяностые

Этюд в багровом свете

Впервые я близко, познакомился с дедуктивным методом Шуры Холмова в 1992 году при следующих обстоятельствах.

Измученный вздорными обвинениями в алкоголизме, исходящими от жены и тещи, я покинул их негостеприимную квартиру на ленинском проспекте и поселился в большой коммуналке на Кольцовской улице. Соседом по комнате оказался молодой худой человек ростом около шести футов. В первый же вечер знакомства мы соорудили в своей комнатке нехитрый ужин и стали употреблять спирт «Ройял» — прекрасное дополнение к дружеской беседе.

Сосед поразил меня музыкальным талантом (сыграл на балалайке «Чижика-пыжика»), феноменальной любовью к литературе (у него была книжка А. Конан-Дойла) и невероятной наблюдательностью.

— Вы, я вижу, работаете санитаром морга, — сказал он мне после первого же стакана.

— Да, а как вы догадались?

— Пьете неразбавленный и не закусываете. Впрочем, это — пустяки. Хуже, что у вас есть жена и теща.

Я изумленно вытянул лицо.

— Это же элементарно, Отцов. Все пуговицы у вас на месте, значит, жена есть. Но под глазом у вас синяк — значит, есть и теща.

— Как все просто! — восхитился я и налил по второй.

Холмов довольно улыбнулся — он был восприимчив к похвальбе — и высказал пожелание приготовить хоть какую-то закуску. Пельмени, например.

И тут страшный крик потряс коммунальную квартиру.

Мы выскочили в коридор.

В узком и тесном коридоре толпились все многочисленные жильцы коммуналки: пенсионер Мочалый, братья Рассольниковы, инженер Андрей Федорович Опанасов с гражданкой Нюх. Мочалый дергал запертую изнутри дверь туалета и тревожно вопрошал:

— Гошка, ты живой?

— Что происходит? — спросил Холмов.

— Гошка в туалете заперся, — взволнованно ответил инженер Опанасов. — И не открывает. Может, помер?

— Так это он орал?

— Он.

Все дружно навалились на дверь и вышибли ее. В темноте лежал без сознания, но со спущенными штанами Гошка Аквафрешев.

— Надо воды! — выкрикнул Холмов и побежал на кухню. Тут же он вернулся и полил несчастного Аквафрешева.

Через минуту Гошка открыл глаза. Первыми его словами были:

— Какая сволочь свет в сортире выключила? Аж, сердце наружу выскакивает!

Далее Гошка поведал, что случилось.

В туалет он зашел по-серьезному делу. Сел, развернул газету. И вдруг в глазах потемнело. Ну, думает, зенки от натуги лопнули! Вот и закричал от ужаса, что ослеп. И от горя потерял сознание. А, оказывается, какая-то сволочь просто выключила свет, понимаешь!

— Среди нас находится преступник! — выслушав Аквафрешева, произнес Холмов. — И сейчас я его изобличу! Всем оставаться на местах. Мой метод дедукции позволит мне немедленно найти негодяя. Прошу отвечать на мои вопросы. Пенсионер Мочалый, в каких отношениях находитесь с пострадавшим?

— Он мне, как сын родной! — злобно сверкнул глазами старик.

— Рассольниковы, у вас есть алиби?

— Мы во время происшествия сидели в своей комнате и читали вслух роман «Идиот». Подтверждаем алиби друг друга.

— Инженер Опанасов, вы разбираетесь в электричестве?

— Мне, что — электричество, что — электроника — один карась!

— Отлично, — потер руки Холмов. — А теперь вы, гражданка Нюх. Ответьте, пожалуйста, в чем разница между икрой кабачковой и икрой паюсной?

Инженерова сожительница покраснела и спряталась за Опанасова.

— Так вот, — торжественно произнес Холмов, нажимая туалетный выключатель, отчего маленькое помещенье озарилось багровым светом (такая уж была лампочка), — ужасный этот поступок не совершал никто. Видите, — он отпустил палец, и выключатель отщелкнулся назад. — Просто это дефект конструкции прибора. Он выключается сам собой. Вот, что значит дедуктивный метод и умение сопоставлять факты. Все свободны!

Уже сидя в комнате, я восхищался проницательностью Холмова:

— Как здорово вы все вычислили! Мне бы в жизнь не догадаться. Вот только насчет икры непонятно. Зачем вы об этом спросили Нюх?

— Элементарно, Отцов. Я просто подумал, а вдруг она знает? Я же до сих пор паюсной икры в глаза не видал!

Ужас Мочалого

Мы с Холмовым делали пельмени, когда в дверь постучали.

— А, наконец-то Мочалый пожаловал! — усмехнулся Холмов.

— Мочалый? Откуда вы знаете?

— Я его уже давно поджидаю. Вы что же, не заметили, какой он ходит последнее время? От каждого шороха вздрагивает. Вчера на кухне я уронил на пол гранату, так старик упал на пол и закрыл голову руками. Да еще закричал «Караул!»

Дверь между тем отворилась, и боязливо вошел пенсионер. Вид его свидетельствовал о крайнем душевном волнении.

— Можно? — поинтересовался Мочалый и, не дожидаясь ответа, бухнулся на стул, помяв мою любимую газету «Правда».

— Что случилось? — задал вопрос Шура Холмов. Было видно, что ему не терпится раскрыть очередное преступление века.

— Беда со мной, — залепетал Мочалый. — Чувствую, скоро смерть лютую приму в нашем подъезде.